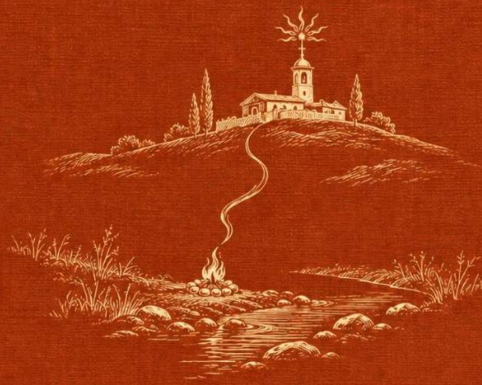

ИСТОРИЯ МОНАХА

РУСТАМ БАЛАГУТДИНОВ

Рустам Балагутдинов
История монаха

https://litres.ru/74860762
SelfPub; 2026

Аннотация

Однажды у костра монастырский писарь услышал историю о Рико Вальдесе, а наутро забыл её. Остались только имя, первая фраза «В странное время живём» и упрямое желание записать то, чего он не помнит.

День за днём, с перерывами в сотню дней, монах собирает историю по камню: спорит с читателем, путает чужое со своим, расспрашивает подслеповатого брата Боба и пишет на бумаге, которая за ночь стирает ложь. Так из обрывков проступает судьба девушки, зачатой под взглядом солнца, — той, что умеет менять лицо, но не знает, какое из них своё. Деревня рудокопов, хижина слепого пастуха, Мраморные леса, где из темноты смотрят гоблины, рынок Голрика, где вода дороже вина, и тот самый день, когда она впервые посмотрела в ответ.

Роман-дневник о том, как рождается история, и о том, что кто угодно может быть Рико Вальдесом. Хоть один день.

Рустам Балагутдинов
История монаха

Предисловие

Прежде чем вы начнёте, должен вас честно предупредить.

Первым читателем этой книги был мой брат. Он прочитал первые главы и сказал прямо, как умеют только братья: читается очень тяжело, и вообще непонятно, зачем всё это пишется. Где история? Кто такой Рико? Почему рассказчик полстраницы спорит с читателем о названии города, вместо того чтобы просто его назвать?

Он был прав. Первые главы — это игра. Рассказчик сомневается в каждом слове, перебивает сам себя, отказывается от только что написанного, обращается к вам то на «ты», то на «вы» и никак не может начать. Мне эта игра была дорога. Но я понял, что далеко не каждый читатель согласится в неё играть, тем более когда не видит, ради чего.

Поэтому дальше я старался писать легче. Меньше перегружать текст постмодернистскими приёмами, больше рассказывать и меньше рассуждать о том, как рассказывать. Вы почувствуете эту разницу. Рукопись монаха постепенно выравнивается, в ней появляются люди, события, дорога. А к концу из всех сомнений и отступлений складывается история, ради которой всё и затевалось.

Первые главы я всё-таки оставил такими, какими они были. Отчасти из упрямства. Но больше потому, что тяжесть начала здесь — часть замысла: рассказчик тоже не знает, о чём пишет, и ищет историю вместе с вами. Если на первых страницах вам захочется закрыть книгу, дайте ей ещё немного времени. Монаху понадобилось сто с лишним дней, чтобы разобраться, что он пишет. Вам хватит нескольких глав.

А брату — спасибо. За честность, без которой эта книга была бы хуже. Внимательный читатель заметит, что у монаха в романе тоже есть свой брат-читатель. Он ворчит, поправляет и в нужный момент говорит самое важное. Видимо, без таких людей никакая история не рассказывается до конца.

День 1. Вместо начала

«В странное время живем», — так подумалось одному путнику, пересекающему городскую площадь. Казалось бы, какое дело ему, путнику, до времени.

Однако, не спешите задавать подобные вопросы! Вы ведь даже не знаете, что это за путник и куда он идёт. Да, понимаю, вы подумали, что путников бывает много и что этот из числа абы каких путников, которых часто можно встретить на городских площадях и поныне. Но не спешите выносить своё суждение до тех пор, пока не услышите его историю. Я вас прошу.

Путнику этому надобно дать имя. Однако я не знаю к ка-

ким именам вы привыкли, ведь как вам известно — одно и то же имя на разных языках будет означаться по-разному. Что ж, решил, пусть он будет Рико Вальдесом.

Так вот, жил этот парниша обыденной жизнью подмастерья в большом городе. Жил спокойно, совершенствуя свой навык кожевенника до одного конкретного дня, когда все и случилось. А что случилось-то собственно? Захотите вы узнать сейчас. А это, наверное, надобно не в одном ответе выложить перед вами, а как-то так показать, чтобы было видно развитие, драма или что там хочется увидеть почтенной читательской публике в наши дни?

Как бы там ни было, а в голове пока что придётся придержать вместе с вопросом «Почему в странное время живём?» ещё и вопрос «Что случилось тем самым днём?».

А впрочем, какое нам должно быть дело до этого Рико? Неужели в наши дни не хватает иных тем для рассказа? Почему это я решил, что вам будет интересно читать историю про очередного молодого авантюриста, который… А впрочем, может и не мне это решать? Я вообще здесь фигура лишняя, на самом деле. Если история случилась, а я сам пока не знаю точно случилась она или нет, то е ё надо бы кому-нибудь да рассказать. Верно ли я пишу? Хотя, может кто-то другой уже взялся пересказывать эту историю и ему стоило бы в этот момент спросить: «Верно ли я говорю?». Разумеется, при условии, что этот рассказчик решил бы примерить на себя мою роль. А ведь я не то, чтобы нарочно здесь

обильно снабжаю комментариями начало этой истории, которую мне поведал один мой приятель вчера за костром и которую я на следующее утро, а как ты читатель или слушатель, я уже точно не знаю до кого эта история может в конечном счёте дойти, понимаешь — это сегодняшнее утро.

Да, я вчера вечером у костра услышал эту историю от своего приятеля. До того она мне в душу запала, что я захотел её на утро следующего дня — вчера, как ты понимаешь происходило сие действие мыслей в моей голове — записать, видимо, чтобы поделиться с публикой.

И я намерен поделиться этой историей. Да, может я пока ничего кроме вступления про странное время и не вспомнил, но, эй, разве это уже не много ли? Я хочу написать, что, разве то, что я решил чернила на эту историю потратить уже не является признаком того, что история на самом деле является очень хорошей? Да за кого вы принимаете меня, если думаете, что я переписчик копеечных историй? Те истории, что я записываю — обычно даже не продаются на рынках. Вот так… И да-да, не надо здесь задаваться вопросом про то, действительно ли паренька звали Рико Вальдес и был ли он кожевенником. Это не важно всё.

Вот скажите мне, что вы будете, если вы, конечно, читаете эти строки, если вы умеете читать. Что вы бы делали с той информацией, что героя истории действительно зовут Рико Вальдес, а не как-либо иначе? Вы бы тогда более уверенно эту историю своим друзьям пересказывали, или быть может

пошли бы проверять — действительно ли в том городе жил до недавней поры такой-то подмастерье? Вы-то хоть название города слышали? А ведь я его ещё не сообщал. Хотя, если вы такая недоверчивая публика, то я даже не знаю следует ли мне называть город — ну правда, разве вы согласитесь с тем, что город назывался именно так, а не иначе? А вот я читал старые произведения и там, для обозначения города, в котором происходили действия, использовали всего одну букву. Представляете себе — не две, не три буквы, а одну только. Не слово даже. Не знаю уж откуда такая традиция пошла, но писатели тех замечательных историй явно не имели повода для сомнения в своей публике и знали, что даже если они назовут свой город по типу «N», то это не помешает публике серьёзно относиться к самой рассказываемой истории.

А вы? Читайте до чего вы меня довели. Мы ещё не встречались, я ещё не выпустил эту историю, а мы с вами уже заранее вступаем в дискуссию. До такой степени я не уверен во вкусах почтенной публики.

Хорошо, допустим, героя и вправду зовут Рико? Хотя почему зовут? Я точно помню, что его так и звали… Рико Вальдес. Если вам понравится и впрямь история, в которую оказался замешан достопочтенный подмастерье, то мне просто интересно, что вы собираетесь делать с его именем. Почему вам важно, чтобы его как-то звали, а если его зовут Рико, то, что лично вам это даст. Я правда не понимаю.

А может вам ещё здесь следует уточнить, что Рико был человеком? Это тогда придаст большей стабильности в вашу жизнь? Что в целом измениться в вашей жизни, если Рико окажется человеком? В вашем мире, уважаемые читатели, да, как минимум два читателя, есть люди? Может тогда договоримся, что Рико Вальдес был таким человеком, каким вы их привыкли видеть? Хотя о чём это я? В моём мире люди разные бывают, а в вашем? Если удастся, то я поспешу поделиться с вами тем, каким именно человеком был Рико. Пока что давайте условимся, что воду он любил пить больше, чем вино.

Знаете, в наше время рассказчики чего только не придумают, чтобы завлечь читателя в свою историю. Я не из их числа. Ну правда, вы же видите, как плохо у меня получается вести цельную историю о Рико. Если вы до сих пор читаете эти строки, то тут больше вопросов к вам — чего вы ждёте? Может вы из последних чувств надеетесь на то, что автор (хотя я и не утверждаю своего авторства) одумается и наконец-таки начнёт историю или может хотя бы немного деталей нам даст, а мы сами сможем хотя бы анекдоты из этого составить да рассказать друзьям.

Рико… Рико жил в прибрежном городе, морской бриз, бедный портовый квартал, воришки шныряющие по рыночной площади вперемешку с людьми, пришедшими прикупить себе разное: кто пару новых рабов, а кто и фруктов, пока те не сгнили под палящим солнцем (хотя последнее и к

рабам относится, их вряд ли кормят и поют, а потому… хотя я не знаток работорговли, чтобы здесь раздавать советы досточтимым торговцам). Хотя знаешь? Я передумал. Это будет не рассказ о Рико. Это будет роман, начало которому положил этот самый Рико. «Ага!», — воскликнет внимательный читатель, — «Всё началось с посиделок у костра, где ты эту историю услышал!». Что же, вполне справедливо, а то я чуть не выдал Рико за собственное изобретение.

Ха-ха-ха, «роман!». Может ты знаешь, как пишутся романы? Я-то не знаю. Если это и может быть роман, то только роман потока сознания. И то, даже на написание такого романа требуется колоссальное количество времени. Неужели ты думаешь, что история Рико Альвадеса (или как там его) заслуживает того, чтобы перерасти в роман (даже не в повесть).

Может кто-то хотя бы знает приблизительно что должен в себе заключать роман? Разумеется, уже написанные романы все знают, как выглядят и что они в себе заключают — это всем (знатокам) известно. А что в себе должен заключать и какую форму должен иметь ненаписанный ещё роман? Это кто-нибудь знает?

Вот есть у нас портовый город, есть у нас некое событие случившееся с неким подмастерьем кожевенника Рико Вальдесом — где в перечисленном зарыто семя романа, что из этого в него прорастёт? Сейчас кто-либо ответ может держать? Да и с чего это я стал вдруг уверен, что он необходи-

мо был подмастерьем кожевенника или же вообще подмастерьем? И почему это «он», а не «она». В какой момент возникает эта уверенность, что будет именно так, а не иначе? Рико Вальдес — кто он? Это же максимально холодный образ . Смотри как это делается — ты говоришь, что ты Рико Вальдес и представляешься подмастерьем кожевенника. При этом обязательно говоришь, что проживал в портовом городе. Вот, уже одна самобытная история о Рико Вальдесе может родиться. Может твоя история обрастёт большими деталями, чем моя — кто знает? Сам по суди, дети же любят представлять себя человеками-пауками, суперменами, так почему бы тебе не представиться Рико Вальдесом и не рассказать собственную историю?

Как бы там ни было, а я лишь монастырский писарь, который собирается вспомнить историю о Рико Вальдесе, которую мне посчастливилось услышать вчера вечером у костра. Я не даю никаких гарантий, что та история, которую мне удастся вспомнить будет той самой историей, которую мне рассказывали. Однако, если вы до этого слышали историю о Рико Вальдесе и сейчас читаете эти слова, то, быть может, вам (именно вам) повезло, ведь вы имеете возможность взглянуть на историю любимого героя с другой стороны!

Да, какие-то детали могут отличаться, пусть так, но сама фигура-то останется. А имя-то какое звучное — Рико Вальдес! Парень, которого так зовут точно должен пережить не одно приключение. Я-то не знаю всей его жизни, однако что-

то мне подсказывает, что она имеет все шансы оказаться насыщенной на события.

Возможно, в вашем мире Рико Вальдес это офисный работник, которому в один день выпадает возможность както изменить свою жизнь? Может быть Рико Вальдес это имя рыбака, который в джунглях Амазонки живёт среди какого-нибудь племени… Или Рико Вальдес — это отважный искатель приключений, покоритель женских сердец и расхититель древних гробниц! Кто знает сколько о нём есть историй, которые ждут своего часа, чтобы быть рассказанными.

День 2. Кто же ты, Рико Вальдес?

Признаюсь, я никак не могу вспомнить всех деталей о Рико Вальдесе, которые вчера мне посчастливилось услышать. Я даже не уверен в том, что он был подмастерьем кожевенника. Но я точно помню, что какой-то подмастерье в той истории фигурировал.

Рико Вальдес он же кто для нас? Персонаж, правильно. Персонаж истории, ещё точнее. То есть это персонаж, который должен по итогу оказаться замешан в некоей истории. А в какой истории может быть замешан подмастерье кожевенника? Мне вот на ум не приходит и одной интересной. Так что нет, вряд ли меня зацепила вчера история про будущего кожевенника.

Помните, с чего я вообще свой рассказ начал — с того,

что Рико путник и что он отметил странность времени, в котором он живёт. Что-то мне подсказывает, что подмастерье кожевенника не стал бы поднимать столь глубоких проблем.

Кто бы мог подумать про странное время, если не быть критически настроенным? Возможно тот, с кем приключилось странное событие. Скажите, а есть ли романтика в том, как человек попадает в незнакомый ему город и старается в нём хоть как-то ориентироваться? Да? Так у меня для вас отличные новости, мои подагрики (да, это отсылка к Франсуа Рабле (и да, это автор Гаргантюа и Пантагрюэль))!

Решено! Рико Вальдес это человек, новый в портовом городе. Это сразу же открывает перед нами множество возможностей добавления деталей к его образу.

Однако, мои читатели, я не помню, чтобы в истории что-то говорилось про гужевые повозки или трюм корабля. Выходит, что в город наш парнишка должен был попасть неким третьим способом. Его я не помню, а вы не знаете. Но если бы нам была дарована такая возможность, то каким бы способом он мог бы попасть в город?

Смею предположить, что в появлении Рико Вальдеса в городе замешан магический артефакт, вот так. Одним росчерком пера мы добавили в мир магические силы. А ведь до этого о них и слова не было сказано. Однако, я точно помню, что в истории о Рико Вальдесе был элемент чего-то чудесного и, может быть, я до конца не утверждаю, это могла быть и магия.

Это же не глава про магический артефакт, да? А потому пока оставим это дело в стороне.

О, о, да! Что-то о Рико вырисовывается в моей голове. Да, я вспоминаю. Хм. Но как мне рассказать всё так, чтобы не убить интригу? Точно, придумал!

Что если это будет стандартная завязка истории? В духе «жили-были…». Так вот, жила-была в одной предгорной деревушке семья кузнеца. Знаете же чем кузнецы занимаются? Куют всяко-разное. Я весьма плох в описаниях, а потому вряд ли вы увидите здесь что-то вроде подробного и насыщенного описания кузнецкого быта.

Семья кузнеца не бедствовала, как вы понимаете. Хотя как вы можете это понять? Хорошо, я вам помогу с этим делом. Деревня располагалась в предгорье, где разрабатывались залежи железной руды. Отсюда они либо сразу вывозились, либо какая-то часть оставалась в деревне и вот с этой частью и работал кузнец. Он содержал свою семью честной работой. Это в наше время уже многого стоит. Если признаться, то монастырскую работу сегодня многие называют нечестной. Я могу их понять — работа в рудниках, кузницах и даже в городской страже во много раз опаснее и ощутимее монастырской. Однако, здесь за стенами тоже течёт своя жизнь, знаете ли. К примеру, зрение брата Боба недавно упало до такой степени, что ему пришлось заказывать пятые в своей жизни очки. А этот брат очень хороший переписчик, весь монастырь им дорожит. Говорят, в молодости он пере-

писал целиком Житие святого Линогория, не допустив ни одной кляксы. Так что, когда он теряет зрение — это у нас почти что катастрофа.

Ах, Линогорий! Какой была жизнь этого юноши, вы помните? Или может быть вы никогда не сталкивались с его жизнеописаниями… Право же, чего это я. Кому кроме монастырских затворников оно может быть известно. Тогда это отличный повод, чтобы вам пересказать его деяния вкратце. Да, не будем придерживаться здесь стиля Жития. Если вам заинтересует, то вы можете обратиться в наш монастырь за его полной копией. Помните работу брата Боба? Вот, ещё и на его чудесный почерк сможете взглянуть.

До того, как Линогория возвели в ранг святых, он был обычным пастухом. Знаете пастухов? Пасут свои, а может и чужие, стада на полях. Я уж не могу точно знать, как это происходит, сам с этим никогда не сталкивался. Линогорий имел столь зоркое зрение, что его взгляд порой называли орлиным — вот как он смотрел за баранами.

Его зрение сыграло свою роль, причем роль удачную, во время междоусобных войн в Приморье. Он вовремя заприметил неприятеля и смог своевременно предупредить свою и окрестные деревни о недруге. Те собрались и ушли в непроходимые леса, где и стали обживаться. О лесах тех дурные истории в народе ходили. Не каждый вояка отважился бы ночь провести там, а тут несколько деревень переселились в место с такой репутацией. Я, к слову, не помню, что такого

было в тех лесах. Помню лишь, что они назывались Мраморными. Смогли выжить деревенщины под чутким надзором Линогория и глава местной церкви возвела его прижизненно в ранг святых. Вот такой он Линогорий был, чуткий и далеко глядящий.

Ох, что-то нас унесло в сторону от истории о Рико Вальдесе. Ах, вспомнил, брат Боб же мне её у костра и рассказал позавчера. Да, точно. Вот как обстояло дело с семьёй кузнеца. Был кузнец крепким мужиком, и жена у него была красавицей, да только что-то мешало завести им детей. Обратилась тогда жена за помощью к деревенскому мудрецу. Тот, порывшись в книжках, описал ей подобные случаи и сказал, что есть народное средство против подобного печального опыта. Надо, говорил он, дождаться солнечной погоды и лечь в поле так, чтобы солнце прямиком не тебя и смотрело. В общем, еретические учения не моя сильная сторона, так что я всего ритуала не знаю. Однако, результат был, как шутят у нас в монастыре, на лицо. Смогла семья зачать ребёнка и через, сколько-то там месяцев, как оно обычно бывает у людей, появился на свет мальчик и назвали его Рико. Так как родился он у семьи Вальдес, то так к нему и стали обращаться после одного случая. А пока что он был просто Рико, просто мальчик. Здоровье у него с детства уже, надо отметить, было хорошее — мальчик практически не болел. А если и болел, то так, чтобы другим грустно не было.

Ох и радовалась семья в день рождения Рико. Родствен-

ников правда не оказалось поблизости, но зато хорошие друзья были в деревне. Их на праздник и позвали. Чтобы организовать свой пир, ни в какие ровни, конечно, королевскому не идущий, отец Рико много работал. Помню, говорил мне брат Боб, что он даже меч изготовил для короля такой замечательной работы, что тот приказал отослать подарок новорожденному. Подарком оказалось… Оказалось… Да что такое с бумагой этой, подарком оказалось… Ха-ха-ха, поверите ли? Чернила перестают писать, как только я хочу написать, что же за подарок был со стороны короля отослан в деревушку, где жил Рико и его семья. Хм, может позже получится как-то описать его или назвать прямо, но сейчас бумага прямо-таки сопротивляется этому.

Рос Рико не по дням, а по часам, как это обычно в сказках и бывает. Ой. Постойте, я не помню какого характера была та история, которой со мной поделился брат Боб. Может это была сказка, а может быличка. Ух, все равно я не знаю их различия. Какой должна быть сказка в мире полном волшебства, а именно в таковом мире я и живу, многоуважаемые читатели. В нашем мире и драконы есть не просто как метафора или образ. Но что-то я не о том пишу всё время.

Постойте-ка, брат Боб шепнул мне сейчас на ухо, что та история рождения Рико Вальдеса, которую я сейчас сообщаю вам, уважаемые читатели, действительно имеет налёт сказочности. Брат сомневается в том, что подобное действительно могло случиться. Он говорит мне, что если я оставлю

такое начало истории о Рико, то с таким же раскладом он легко может оказаться и эльфом. Да, брат Боб разговаривает слишком медленно, а потому я даже об этом могу вам сообщить, не утратив ни одного его слова. Он причитает, что не рассказывал мне тогда у костра ничего о семье кузнеца. О семье кузнеца мне говорила сестра Лиза и что это действительно семья, которая живёт в деревне недалеко от монастыря и что у них недавно родился ребёнок, правда девочка.

Хм, интересные дела. Я-то думал, что пишу правду, а оказывается, что я многое напутал. Правда, вот те крест, читатель, Рико… ой тьфу ты, брат Боб говорит, что напрочь забыл ту историю о Рико Вальдесе, которую рассказывал мне у костра (братец выпил слишком много вина в тот вечер). В таком случае, я и вовсе отказываюсь даже от попыток подражать какому-то честному автору. Наш Рико родился в семье кузнеца в предгорной деревушке, по случаю его рождения король прислал тому подарок. Он родился после какого-то еретического ритуала. При рождении он был девочкой и до лет шестнадцати так всё и было. Однако затем, когда пошли слухи, что в деревне не хватает молодых парней для работы на рудниках (там на какую-то волшебную руду наткнулись старатели и все погибли) — Рико взяла и да обратилась в молодого парня за ночь. Да, так всё и было. Легла спать Рико, а проснулся — Рико!

Ох уж этот братец Боб, совсем уж хотел помешать нашей истории случиться, сказав, что я мол не о том говорю. Одна-

ко, помните, что я писал пока был под влиянием ~~вина~~ чая (а я пил и писал): «кто угодно может быть Рико Вальдесом, по крайней мере выдавать себя за него», — вот так! А значит в нашей истории о Рико нет ничего сказочного, пусть даже так и кажется, ведь я читал сказки и могу случайно поместить историю в сказочное облачение. Наш Рико, который к тому и же и может быть нашей Рико — выигрывает у прочих Рико, ведь он может быть и парнем, и девушкой. А значит он вдвое больше от жизни способен взять, чем иные критики такого его образа.

Значит вот оно как, до шестнадцати лет Рико была девушкой-красавицей. Я не знаю как обычно растут девушки-красавицы, а потому оставляю это на откуп более знающим читателям. Вот оно, может в этом и прелесть имени Рико, которое день назад я и решил закрепить за персонажем? Твой друг будет думать, что история о Рико — это история о удалом парне-авантюристе, а ты сможешь сыграть на этом ожидании рассказав ту часть жизни Рико, где она была прелестной девушкой. В общем-то да, Рико видимо из-за ритуала обрела способность к оборотничеству. Вот такая вот магия.

А впрочем, наверное, стоит здесь описать реакцию на это отца Рико и матери. Так вот, они удивились такому преображению своей дочери, хотя и были у них подозрения, что всё так и обойдётся. Ведь деревенский мудрец, когда те пригласили его на пир по случаю рождения ребёнка — сразу заприметил, что ребёнка коснулись высшие силы. Это о многом,

наверное, должно говорить, но я ведь не мудрец. Я обычный монах. Если среди моих читателей есть мудрецы, для которых отметка высших сил о многом говорит, то прошу вас — напишите об этом сами. Я подобных трудов не изучал и ничего толкового не могу здесь расписать. Право же, я даже не могу здесь написать в какой именно день родился такой персонаж как Рико Вальдес! Родись он в такой-то день такого-то месяца, то он был бы такого-то знака, а если это другой месяц, то и знак ему можно другой дать. Так астрологи рассуждают, вроде.

В общем, если вам угодно, чтобы Рико родился или родилась в апреле, то пусть будет так, хотя надо сказать, что пир был организован не сразу по рождению. Пока заработали денег, пока то, пока сё.

Кто может выйти прямо сейчас и сказать — сколько всё это могло занять времени? Я не могу. Да я и не знаю, ничего об этом в моей голове нет. Может они и вовсе всё заранее заработали и так совпало, что родился ребёнок в тот день, когда все дела были улажены. А может рождение наступило внезапно и тогда да, сколько-то месяцев должно было пройти в подготовке к пиру.

А вообще, что нам как читающей публике важнее? Когда точно родился такой-то персонаж или сам факт того, что он уже есть, пусть и не представляется известным точная дата, либо даже месяц его рождения? Я всегда рассуждал так, когда монахи спорили о том, что раньше появилось в обще-

стве людском: монастыри или монахи, — я всегда им отвечал, что это ведь и не важно, ведь мы сейчас живём в такое время, когда есть и то и другое и надо это принимать как есть. Я читал некоторые исторические труды и готов написать здесь, что историческая точка зрения на этот вопрос весьма вариативна, ведь жизнь сложна и много было монахов и многие строились монастыри, так что, если конкретики никакой в споре нет, то победить может любая сторона, которая всего-навсего помнит больше аргументов в свою пользу. Вот если добавить деталей, что монахи бывают разные: черные, белые, красные. А монастыри могут строить в удалении от городов, в удалении от церквей и деревень, то всё это становится сложнее и просто наобум сказать, что монахи были раньше монастырей не получится. Ведь найдётся историк, который скажет, что первые монастыри таковыми не воспринимались и вообще служили для других целей (были горными крепостями местных правителей). Или что первые монахи обитали при церквях. Так что же появилось раньше — монахи или монастыри? Вопрос спорный. Как и всё в этой жизни. Не так важно в какой день родилась Рико, важно, что она родилась и что в нашей истории она умеет оборачиваться парнем.

День 3. Путешествие Рико

В один солнечный день, Рико ~~проезжала~~ проходила по

маршруту из точки А в точку Б, где точкой А была привычная ей хижина Тирсо, а точкой Б явилась рыночная площадь великого, а может и не очень, но точно известного, хотя и не всем, города – Голрика.

На пути своем Рико случайно забрела в поселение гоблинов. Да, в этой истории будут фигурировать эти маленькие, зеленые создания. Ученые мужи не всегда отваживаются оторвать свои тела от уютных кабинетов и совершить экспедицию к гоблинам с целью сбора сведений разумеется. А здесь у нас так вышло, что одна девушка без подготовки попало в одно из больших поселений.

Давай-ка я теперь вместе с вами постараюсь припомнить что же случилось с ней и как так вышло, что она оказалась среди этих карликов.

Откуда же здесь начать мне историю? Или я уже ее начал… а может то, что ты сейчас прочитал было лишь предисловием или аннотацией к основному рассказу?

Для начала следует

День 104. О чем я когда-то писал

Давно не виделись, читатель! Хотя может быть ты и не ощутил этого разрыва со мной и моей истории о Рико? Если быть честным, то я вовсе забыл, о чем писал тогда. Сразу хочу извиниться, чтобы не было недопониманий, между нами, за то, что я не закончил тогда повествование – на третий

день.

Если ты не против, то я бы вместе с тобой хотел бы перечитать мои записи и может быть сделать по ходу чтения новые пометки. Оставить, так сказать, комментарии к уже известному.

Всё началось с того, что я написал о некоем путнике, которому в голову пришла мысль, что в странное время живём. Мы? Вряд ли он имел в виду нас с тобой читатель? Только если вдруг не окажется, что ты живешь с ним в одно время, тогда да подуманное может относиться и к тебе. Ко мне оно точно не может относиться, ведь я знаю, что это всего лишь отвлеченная история, рассказанная у костра для коротания досуга.

Мы с вами, или я сам наедине, решили, что путник будет носить имя «Рико Вальдес». Написано также, что этот парниша жил обыденной жизнью подмастерья. Но мне помниться, что позже мы пришли к выводу, что вовсе не обязательно это был парниша.

Итак, перед нами встали два вопроса: «Почему в странное время живём?» и «Что случилось тем самым днём?». Я уже проговорился, что эту историю, предположительно о Рико, мне поведал приятель за костром. Дословно, что я тогда написал: «А ведь я не то, чтобы нарочно здесь обильно снабжаю комментариями начало этой истории, которую мне поведал один мой приятель вчера за костром и которую я на следующее утро, а как ты читатель или слушатель, я уже точ-

но не знаю до кого эта история может в конечном счёте дойти, понимаешь — это сегодняшнее утро». Да, вы тоже заметили это? Словно не хватает слов, словно после «я на следующее утро» не хватает чего-то. Конечно, пиши я это сейчас – я бы как-то исправился. Но, остаётся только указать на эту мою оплошность былых дней.

Как бы там ни было, но я помню, что мне очень хотелось поделиться историей о Рико. Я даже в тексте клялся, что она запала мне в душу. И, может быть, это правда, и я действительно не зря эту историю нахваливаю. Проблема здесь в другом. Я ничего не помню об этой истории. Я пишу: «И да-да, не надо здесь задаваться вопросом про то, действительно ли паренька звали Рико Вальдес и был ли он кожевенником. Это не важно всё». Но, будь я ответственным рассказчиком истории, разве я такое бы сказал? Обычно к услышанным историям, которые запали в душу относятся… более трепетно что ли.

Да, вот мы подходим к самому интересному. Я спрашиваю вас о том, зачем вам знание имени героя рассказа. Я также был неуверен в том, следует ли мне называть город, в котором происходили действия рассказа. Ну правда ведь, что это вам даст – не пойдёте же вы проверять есть ли этот город на картах. Пусть бы даже это был город «N». Что бы это вам дало как читателям? Неужели название «Голрик» для города действительно лучше? Если да, то чем? Разве хуже от названия города станет история… или может она станет лучше?

А может такое знание географии вам жизненно необходимо? Но вам в таком случае всегда будет мало. Вот читайте. Я называю вам город. Затем вам захочется узнать есть ли возле города деревни и если есть, то как уже они называются. Потом вам захочется узнать протекает ли в той местности река и если протекает, то может она протекает так, что делит город на две большие части. Дальше больше, если я назову вам реку, то это уже точно значит, что где-то должны быть горы, из которых она берет свое начало. А конец реки обязательно должен впадать либо в озеро, либо в море; или эта река должна будет впадать в другую реку, а значит и эту другую реку мне тоже придется называть. Назови им город они захотят, чтобы я улицы в городе назвал, чтобы там была какая-нибудь городская площадь, рынок, порт, кабак, трактир и дальше по списку. А если всё обстоит ещё хуже? Вдруг вам станет вдруг интересно является ли этот город столичным, а если нет, то, как тогда называется столица государства. А само государство если оно есть, то как тогда оно называется. А королевство это или может империя. Империя звучит всяко круче королевства. А вас не смущает что рассказчик может всего этого не знать? Я понимаю со своей стороны, что вам как читателям хочется узнать как можно больше полную картину происходящего. Вы ожидаете, и вполне в праве это делать, реалистичный мир или хотя бы его достоверное изображение. Откуда у вас эта тяга к реализму? Вас к этому приучили другие книжки?

Итак, Рико Вальдес, город «N». Вот что мы имеем на данный момент. Но человек ли он? Помнится мы поднимали этот вопрос ранее. А может вам нужно только узнать в Рико человека, чтобы он оказался для вас более родным? А что, если он выглядит как человек, каких вы привыкли видеть, и ведёт себя как человек, но человеком при этом не является? Может быть такое? Вам будет достаточно этого?

Несмотря ни на что, я оказывается (!) написал, что Рико жил в прибрежном городе. Вот! Вот текст: «Рико… Рико жил в прибрежном городе, морской бриз, бедный портовый квартал, воришки шныряющие по рыночной площади вперемешку с людьми, пришедшими прикупить себе разное: кто пару новых рабов, а кто и фруктов, пока те не сгнили под палящим солнцем (хотя последнее и к рабам относится, их вряд ли кормят и поют, а потому… хотя я не знаток работорговли, чтобы здесь раздавать советы досточтимым торговцам)».

Ещё я написал, что не знаю как должны писаться романы, а потому то, что я здесь пишу вряд ли можно назвать романом. Или по счастливой случайности это может оказаться романом, хотя я изначально не его писал. Я назвал Рико Альвадесом, а не Вальдесом. Может эта фамилия ему больше подходит?

Я упомянул, что я монастырский писарь. А кто может за это поручиться? Кто может это подтвердить?

Переходим к тому, что я написал на день второй.

Я признаюсь, что не могу вспомнить всех деталей истории о Рико Вальдесе.

Мы пришли к выводу, что Рико Вальдес это путник и что он новый человек в портовом городе «N». Однако, загадкой остаётся то, как он попал в город. Я предположил, что в появлении Рико Вальдеса в городе виноват некий магический артефакт. Таким образом, оказывается, что в мире, где происходят действия истории о Рико есть магические силы.

Я начинаю писать про деревню, которая расположилась в предгорье. И в этой самой деревне по моему замыслу идёт добыча железной руды. Жила в этой деревне семья кузнеца, который честной работой зарабатывал на жизнь.

Я зачем-то ввожу в рассказ историю о святом Линогории. Он был обычным пастухом, пишу я. У него был орлиный взгляд (или взор?), в общем был он очень зорким юношей. Он увёл (или поучаствовал в этом) несколько деревень в Мраморные леса, где те спрятались от неприятеля. Его Линогорий удачно заприметил и потому смог быстро всех предупредить. За столь добросовестный поступок Линогория при жизни возвели в ранг святых.

Мне историю о Рико рассказал брат Боб, тот который себе вновь очки покупает. Ну то есть он их уже купил. Времени всё же много прошло.

Итак, кузнец с красавицей женой не могли долго завести ребёнка. По совету одного деревенского мудреца (надо отметить, что его воззрения были глубоко еретическими (это не

значит, что его советы были не рабочими. Просто они расходились иногда с учением Церкви)) девушка вышла в поле и легла прямо под солнечные лучи. После проделанного ритуала семье удалось зачать ребёнка. И от этого союза появился малыш. Его назвали Рико. Король в благодарность за скованный меч решил отправить новорождённому подарок. Что это был за подарок никто пока не знает. Далее пишу: «Рос Рико не по дням, а по часам, как это обычно в сказках и бывает». Оказывается, что брат Боб ничего про семью у костра мне в тот вечер не рассказывал. Наверное, я смешал рассказ сестры Лизы и историю брата Боба. Но не переживайте! Не только я не помню историю о Рико. Её не помнит и брат боб. Вот доказательство: «брат Боб говорит, что напрочь забыл ту историю о Рико Вальдесе, которую рассказывал мне у костра (братец выпил слишком много вина в тот вечер)».

Я отказываюсь от следующей строчки: «При рождении он был девочкой и до лет шестнадцати так всё и было». А также от следующих строчек: «Однако затем, когда пошли слухи, что в деревне не хватает молодых парней для работы на рудниках (там на какую-то волшебную руду наткнулись старатели и все погибли) — Рико взяла и да обратилась в молодого парня за ночь. Да, так всё и было. Легла спать Рико, а проснулся — Рико!». Это мы потом обсудим ещё. То, что Рико может быть и парнем, и девушкой, так это потому, что родился он не простым ребёнком, а волшебным. Рико обладает оборотничеством, т.е. может перевоплощаться в разных

людей. В ходе истории это может ему помочь. Мудрец на пире заметил, что ребёнка коснулись высшие силы. А впрочем, пол ребёнка не создаёт для нас проблемы. В одной истории это может быть Рико-парень, в другой – Рико-девушка. Всё же стоит помнить, что мы не реальную жизнь описываем, а всего-то сочиняем некую историю.

День 105. Для начала следует

Вчера мы с тобой, читатель, так увлеклись перечитыванием, что дошли только до конца второго дня. Свеча догорела, а новую брат-эконом мне не выдал, сказав, что свечи в монастыре даются для молитвы, а не для Рико Вальдеса. Я не стал с ним спорить. Во-первых, спорить с братом-экономом бесполезно, это у нас всякий послушник знает с первой недели, а во-вторых, он, в общем-то, прав. Хотя я и не уверен, что одно другому мешает. Разве нельзя молиться о том, чтобы история наконец рассказалась? Я вот молился. Не знаю, засчитали ли мне это.

Итак, день третий. Он у меня вышел самым коротким из всех, и, признаюсь, когда я его перечитал, мне стало немного стыдно. Не за то, что там написано, а за то, что там не написано. Но давайте по порядку, раз уж мы взялись делать пометки.

«В один солнечный день, Рико проходила по маршруту из точки А в точку Б». Видите? Слово зачёркнуто. Я долго

смотрел на это зачёркнутое слово и пытался понять, зачем я его зачеркнул. Думаю, дело было так: я написал «проезжала» и тут же испугался. Если проезжала, значит, на чём-то. Если на лошади, то надо сказать, какой масти лошадь и как её зовут, а вы спросите, откуда у девушки лошадь, а если лошадь краденая, то это уже совсем другая история, а если не краденая, то кто её подарил, а если подарил, то… Ну вы помните, я на сто четвёртый день целую страницу исписал о том, как одно название тянет за собой другое, как река тянет за собой горы. Вот и лошадь тянет. А пешком — пешком никому ничего не надо объяснять. Пешком ходят все. Так Рико и пошла пешком, и, мне кажется, ей это не повредило.

А точки А и Б? Это я, наверное, тогда насмотрелся, как брат Ансельм объясняет послушникам арифметику. У него всегда кто-то выходит из точки А в точку Б, и всегда кто-то кого-то догоняет. Послушники от этих задачек засыпают, и я их понимаю. Но у меня-то, заметьте, точки не пустые. Точка А — это «привычная ей хижина Тирсо». Точка Б — «рыночная площадь великого, а может и не очень, но точно известного, хотя и не всем, города — Голрика».

Начнём с хижины. Кто такой Тирсо? Я спрашиваю тебя, читатель, хотя ты об этом знаешь ещё меньше моего. Я перечитал первый и второй день трижды — нигде никакого Тирсо нет. Ни в деревне кузнеца, ни на пиру, ни среди тех, кто удивлялся, глядя на Рико. Он появляется на третий день так, будто всегда там был, и я пишу о нём, как о давнем знакомом.

«Привычная ей хижина» — вы только вдумайтесь. Привычная! Значит, Рико жила там не день и не два. Значит, она ушла из отцовского дома, из предгорной деревни, где куют и копают, и какое-то время, может быть долгое, жила у какого-то Тирсо, а потом ушла и оттуда. И обо всём этом я на третий день не счёл нужным сообщить ни слова. Вот такой у вас рассказчик.

Но, знаете, что я подумал? Я подумал, что тот я, который писал на третий день, был ближе к костру, чем я сегодняшний. Ведь между костром и третьим днём прошло всего три дня, а между костром и сегодняшним — больше сотни. Может, тот я ещё что-то помнил? Может, Тирсо действительно был в истории брата Боба, и я просто записал его, не задумываясь, как записывают то, что знают наверняка? Ведь когда знаешь наверняка, объяснять не хочется. Объяснять хочется, когда сомневаешься. А я теперь только и делаю, что объясняю.

С городом та же история, только ещё смешнее. На сто четвёртый день я с вами чуть не поссорился, доказывая, что для города довольно и одной буквы «N». А на третий день, оказывается, я уже знал, что город зовётся Голриком, и даже не постеснялся этого написать. Кому же верить — мне третьего дня или мне сто четвёртого? Я бы на вашем месте поверил третьему. Он был ближе к костру. Хотя и про Голрик он написал так, что уважения к городу это не прибавляет: «великий, а может и не очень, но точно известный, хотя и не

всем». Брат Боб, когда я прочёл ему это вслух, сказал, что так можно сказать про любой город на свете, включая тот, в котором он родился, а там было одиннадцать дворов и колодец. Может, и так. Но Голрик, по крайней мере, у колодца не стоит. Он стоит у моря. Это мы ещё с первого дня знаем: морской бриз, портовый квартал, воришки, рабы, фрукты на солнце. Выходит, Голрик и есть тот самый прибрежный город. Выходит, я сам того не замечая уже связал первый день с третьим. Вот видите, не всё так безнадёжно.

Дальше — гоблины. «Да, в этой истории будут фигурировать эти маленькие, зеленые создания». Будут! Не «могут», не «наверное», а «будут». Откуда у меня тогда взялась такая уверенность, я не знаю. Сегодня я бы так не написал. Сегодня я бы написал «возможно», а потом ещё полстраницы сомневался бы, зелёные ли они на самом деле или это только в книжках так. Впрочем, о гоблинах пусть будет отдельный разговор. Скажу только, что бестиарий в нашей библиотеке изображает гоблина с пятью пальцами на одной руке и с четырьмя на другой, и никто из братьев не может сказать, ошибка ли это рисовальщика или так оно и есть. Рисовальщик умер задолго до того, как кто-то из нас принял постриг, и спросить его теперь некого.

А ещё там написано: «Давай-ка я теперь вместе с вами постараюсь припомнить». Давай-ка — с вами. В одной строчке я обратился к тебе одному и ко всем вам сразу. Прошу прощения, если это кого-то задело. Это не от неуважения.

Просто читатель у меня то один, то много, и я никогда не знаю заранее, сколько вас там сегодня собралось. Иногда мне кажется, что ты сидишь прямо напротив, у той стороны стола, где обычно сидит брат Боб. А иногда — что вас целая площадь, как в Голрике, и вы все шумите, и кто-то покупает фрукты, а кто-то… ну, не будем о рабах.

И, наконец, последнее. Третий день заканчивается так: «Для начала следует». И всё. Больше ничего. Ни точки, ни слова. Я смотрел на эту строчку, наверное, четверть часа, пока брат Боб не спросил, не уснул ли я с открытыми глазами. Что же мне следовало для начала? И почему я не дописал?

Почему не дописал — это я, кажется, вспомнил. В тот самый день меня позвал к себе отец настоятель и поручил переписать монастырские грамоты на землю: кому принадлежит мельница у брода, сколько мер зерна причитается с нижнего хутора, где проходит межа между нашим лугом и лугом барона. Сто дней, читатель. Сто дней я переписывал, где проходит межа. Если вам кажется, что моя история о Рико скучна, попробуйте прочесть грамоты о меже. Там не то что гоблинов — там даже точек А и Б нет. Там есть только «от старого вяза до камня с крестом», а вяз, как выяснилось, срубили ещё при прежнем настоятеле, и никто не помнит, где он стоял. Вот вам и достоверное изображение мира. Вот вам и реализм. Даже межа, оказывается, держится на том, что кто-то что-то помнит.

А что следовало для начала — этого я уже не вспомню.

Могу только перечислить, что могло следовать. Для начала следовало сказать, почему Рико ушла из деревни. Для начала следовало объяснить, кто такой Тирсо. Для начала следовало рассказать, как она оказалась среди гоблинов, если шла в Голрик, — ведь не на рыночной же площади они живут. Для начала следовало хотя бы назвать подарок короля, который мои чернила до сих пор отказываются выводить. Для начала следовало помолиться, в конце концов. Вот видите, сколько всего следовало. Может быть, потому я тогда и остановился. Когда для начала следует слишком многое, рука не знает, за что взяться, и замирает. И замирает, как выяснилось, на сто дней.

Поэтому я решил так. Я больше не буду пытаться рассказать всё разом. Я буду каждый день брать одну только вещь — одну деталь, одно имя, один вопрос — и думать о ней, пока она не встанет на своё место. Как камень в стену. Брат Ансельм, когда у нас чинили трапезную, говорил каменщикам, что стену не кладут целиком, её кладут по камню. Каменщики над ним посмеялись, потому что и без него это знали. Но я-то не каменщик. Мне это было не очевидно.

И вот, когда все камни встанут, тогда, может быть, я и напишу историю о Рико Вальдесе целиком, от первого слова до последнего, без этих моих… ну, вы поняли, без чего. Без меня, то есть. Или хотя бы с меньшим количеством меня.

Брат Боб, заглянув мне через плечо (в своих пятых очках, которые, как он уверяет, видят лучше четвёртых, но хуже

третьих), спросил, сколько же у меня этих камней. Я начал считать: Тирсо, подарок короля, как Рико попала в город, он она или она он, гоблины, странное время, тот самый день… и сбился. Брат Боб сказал, что за такой срок можно заново переписать Житие святого Линогория. Я ответил, что Житие уже написано, а история о Рико — нет. Он подумал и согласился. По-моему, это первый раз, когда брат Боб со мной согласился без вина.

Завтра — Тирсо. Если, конечно, это «завтра» наступит для моей рукописи раньше, чем через сто дней.

День 106. Тирсо

Обещал — пишу. Видишь, читатель, «завтра» наступило всего через один день, а не через сто. Я сам этому удивлён не меньше твоего и, признаться, немного горжусь. Брат Боб сказал, что гордиться тут нечем, потому что день наступает через день у всех, даже у тех, кто ничего не пишет. Но я с ним не согласен. У тех, кто ничего не пишет, дни просто идут, а у меня они наступают. Это разные вещи.

К тому же у нас вчера случилось событие, без которого я, может быть, и не сел бы сегодня за стол: брат-эконом наконец купил свечи. Не сам, конечно, он из монастыря выходит только на осеннюю ярмарку, — свечи к нам принёс бродячий свечник. Он ходит от обители к обители, от деревни к деревне с коробом за спиной, и в коробе у него воск, фитили,

медовые соты для тех, кто побогаче, и новости для всех без разбора. Новости, надо сказать, он раздаёт бесплатно, но, по-моему, именно ради них его и пускают за ворота. Свечи-то брат-эконом и сам отлить может, если надо.

Но о свечнике потом. Сначала Тирсо. Я обещал.

Итак, Тирсо. У него есть хижина, и эта хижина Рико привычна. Больше о нём не известно ровным счётом ничего. Я даже не знаю, жив ли он ещё к тому дню, когда Рико выходит из точки А. Ведь можно сказать «хижина Тирсо» и про хижину, в которой Тирсо давно не живёт. У нас в монастыре до сих пор есть «келья брата Гервасия», хотя брата Гервасия похоронили, когда меня ещё не было на свете, и с тех пор в ней сменилось четверо братьев. Так что Тирсо мог быть и стариком, который сидит на пороге, и могилой за порогом. Имя у вещей задерживается дольше, чем хозяин.

Но давайте всё-таки думать, что он жив. Мне так приятнее, а вам, я надеюсь, всё равно.

Первое, что я заметил, когда стал повторять это имя вслух (брат Боб, кстати, попросил меня повторять потише, он в это время читал), — это то, что «Тирсо» звучит как родственник «Рико». Не по крови, а по звуку. Рико Вальдес, Тирсо — эти имена будто бы с одного берега. А Голрик — с другого. Голрик звучит грубее, жёстче, как будто его вырубили топором, а Рико и Тирсо будто бы вылеплены из глины на гончарном круге. Не знаю, говорит ли это о чём-нибудь. Может быть, Тирсо и Рико происходят из одних мест, из той

самой предгорной деревни, а Голрик чужой им обоим. А может быть, я просто вслушиваюсь в то, во что вслушиваться не надо. Знаете, бывает, повторишь слово раз двадцать, и оно перестаёт что-либо значить, а потом вдруг начинает значить что-то совсем другое. Со мной так однажды случилось со словом «чечевица». Я её с тех пор не ем.

Второе. Я спросил брата Боба, не помнит ли он, был ли Тирсо в его истории у костра. Брат Боб снял очки, протёр их рукавом, надел обратно и долго смотрел на меня сквозь них, как будто я — строчка, которую он не может разобрать. Потом сказал, что имя ему знакомо, но откуда, он не знает. Может быть, из истории. А может быть, так звали пастуха в его родной деревне — той самой, где одиннадцать дворов и колодец. «У нас пастухов всегда звали как-нибудь так», — сказал он. «Как?» — спросил я. «Ну, так», — ответил он и вернулся к чтению. Вот и весь разговор. Если вы думаете, что монахи между собой беседуют о высоком, то теперь вы знаете, как это происходит на самом деле.

А третье — третье меня по-настоящему смутило, и я не знаю, как вам об этом рассказать, чтобы вы не решили, будто я всё выдумываю. Вы помните, что все сто дней я переписывал монастырские грамоты на землю? Так вот. Вчера вечером, при новой свече, я сверял последнюю из них, о меже между нашим лугом и баронским, и наткнулся на строчку, которую сто дней назад переписал, не заметив. Там сказано так: «…и от брода вверх по ручью до старой хижины, что

зовётся Тирсовой, а от неё прямо до вяза». До того самого вяза, которого никто не помнит.

Я сидел над этой строчкой, наверное, дольше, чем над «Для начала следует». И вот что не даёт мне покоя. Грамоты мне поручили уже после того, как я написал третий день. Я это точно помню, потому что строчку о Рико я так и не дописал — меня позвали к настоятелю. Значит, когда я писал «хижина Тирсо», я этих грамот ещё в глаза не видел. Откуда же я взял это имя? Подслушал у кого-то из старых братьев, которые помнят, где стояла хижина? Прочитал когда-то давно и забыл? Или это просто совпадение, каких на свете много, потому что имён на свете меньше, чем хижин?

Я пошёл к брату Ансельму, он у нас старше всех и помнит прежнего настоятеля. Спросил, где стояла Тирсова хижина. Брат Ансельм сказал, что никакой хижины у брода он не помнит, а помнит только, что там раньше было много крапивы. А крапива, сказал он, растёт там, где жили люди. Это, по-моему, самое мудрое, что я от него слышал за все годы. Так что хижина, может быть, и стояла. А может быть, это была просто крапива.

Я решил, читатель, не делать из этого больших выводов. Если я начну думать, что история о Рико Вальдесе произошла на нашем лугу, у нашего брода, то мне придётся объяснять, откуда у нас море и где тут Голрик, а у нас до моря, как говорит свечник, три недели пешком и то, если не останавливаться на ночь. Пусть Тирсова хижина в грамоте стоит са-

ма по себе, а хижина Тирсо в моей истории — сама по себе. Но я эту строчку из грамоты всё же переписал отдельно, на этот лист, на поля. Пусть будет. Вдруг пригодится.

Теперь — кто же он такой. Раз уж ни брат Боб, ни грамоты, ни крапива мне этого не сказали, придётся решать самому. Я долго перебирал. Тирсо мог быть отшельником. Но отшельников у меня в истории хватает и без него, если считать меня самого. Тирсо мог быть разбойником, который приютил девушку, а потом… нет, это уже другая история, и, кажется, её рассказывают в каждом трактире. Тирсо мог быть родственником кузнеца, но я же писал, что родственников поблизости не оказалось, даже на пир по случаю рождения позвали друзей. Не стану же я теперь себе противоречить. Я и так себе противоречу чаще, чем хотелось бы.

И вот что я подумал. Рико ушла из деревни. Почему — это отдельный камень, и мы его ещё положим. Но, уйдя, она шла не в Голрик, а куда-то, где её не знают. Девушке, которая может проснуться утром парнем, а то и кем-нибудь третьим, нужно место, где её некому будет узнавать. В деревне её знает каждый: и мудрец, и кузнецовы друзья, и все, кто ел на том пиру. А там, где тебя знают, ты должен быть одним и тем же человеком. Это, если подумать, и есть главная тяжесть деревенской жизни — каждый день быть тем же, кем был вчера, потому что все помнят, каким ты был вчера.

А у Тирсо её никто не знал. Пусть он будет стариком, который живёт один, в стороне от дорог, между предгорьями и

морем. Пусть он пасёт коз (это ради брата Боба, у которого пастухи звались «так»). И пусть он будет плохо видеть. Да, вот что. Пусть у Тирсо будут слабые глаза, слабее, чем у брата Боба даже в его пятых очках. И тогда ему всё равно, кто к нему пришёл утром — девушка или парень, — потому что он узнаёт людей не по лицу, а по шагам и по голосу. А голос, может быть, у Рико не меняется. Или меняется не совсем. Это мы тоже ещё обсудим, когда дойдём до оборотничества. Но мне нравится мысль, что единственный человек, рядом с которым Рико могла не бояться своего дара, был человек, который почти ничего не видел. Святой Линогорий спас деревни тем, что видел далеко. А Тирсо, может быть, спас Рико тем, что не видел вовсе. Вот, кажется, я начинаю понимать, зачем мне понадобился Линогорий на второй день. Хотя тогда я этого, честное слово, не понимал.

Брат Боб, которому я прочитал этот кусок, сказал, что слепой пастух — это нелепость, потому что слепой пастух потеряет всё стадо. Я ответил, что не слепой, а подслеповатый, и что козы, в отличие от баранов, сами знают дорогу домой. Он спросил, откуда я это знаю. Я сказал, что так написано в одной книге. Он спросил, в какой. Тут я и замолчал. Пусть козы знают дорогу домой. В моей истории — знают.

А теперь — о свечнике, как я и обещал.

Он пришёл со стороны тракта, из-за холмов, и сказал, что идёт с востока, от самого Тойна, а по пути заходил в Кроненталь, где, по его словам, в эту осень уродились такие яблоки,

что их не успевают собирать. Нам он тоже принёс корзину. Яблоки и правда хорошие, только мелкие, но брат-эконом сказал, что мелкое яблоко слаще крупного, и, по-моему, сказал это, чтобы не платить больше.

А потом, за ужином, свечник рассказал вот что. Будто бы в Тойне, а это большой город, с храмом и судебной управой, весь прошлый год умирали дети. Много детей, сорок или сорок с чем-то, он не помнил точно, а может быть, и сто, потому что, когда такое рассказывают, число всегда растёт от трактира к трактиру. И будто бы из столицы, из Мерендоля, приехали судья и инквизитор, а с ними ещё паладин и эльфийка, и они ездили куда-то в горы, на север, и что-то там нашли. А потом вернулись в Тойн, и на площади перед управой, при всём народе, дети встали. Те самые дети, которых уже оплакали. Встали и пошли к своим родителям.

Братья, конечно, перекрестились. Брат-эконом сказал, что это ересь. Брат Ансельм сказал, что это чудо. А брат Боб, который в тот вечер, к моему удивлению, пил только воду, спросил свечника, видел ли он это своими глазами. Свечник ответил, что нет, сам не видел, но видел женщину, которая видела, и что у неё дочка теперь живая и ест за двоих. И что инквизитор был толстый, в серой рясе, и всё время что-то жевал, а эльфийка смеялась. Почему-то вот эти подробности — что инквизитор жевал, а эльфийка смеялась — убедили меня больше, чем всё остальное. Никто не станет выдумывать про инквизитора, что он жевал. Это слишком мелко,

чтобы быть неправдой.

Я долго не мог уснуть после этого. Не от страха, нет. Я лежал и думал: вот, значит, как. Где-то в Тойне мёртвые дети встают и идут к родителям, а я сижу у себя в келье и сто дней не могу решить, кем был какой-то Тирсо. И мне вдруг стало понятно, почему Рико Вальдес, путник на городской площади, подумал: «В странное время живём». Я не знаю, когда жил Рико и слышал ли он о Тойне. Скорее всего, не слышал: это ведь моя история, а не свечника. Но если бы я сейчас вышел на какую-нибудь городскую площадь, я подумал бы, наверное, то же самое. Слово в слово.

Может быть, это и есть ответ на первый вопрос, который я задал вам в самый первый день? Нет, рано. Не буду торопиться. «Странное время» — это камень, который я положу позже, и, может быть, совсем не туда, куда кажется сегодня. Но я записываю: в тот вечер, когда у нас появились свечи, у меня впервые появилось и подозрение, что в моей истории есть что-то от правды. Не потому, что она правдива. А потому, что правда сама оказалась похожей на историю.

Свечник ушёл утром, на запад, в сторону Граубаха. Сказал, что там красильщики, у них всегда нужны свечи, потому что они работают допоздна. Я хотел спросить его, не слышал ли он когда-нибудь имени Рико Вальдес. Но так и не спросил. Мне почему-то стало страшно, что он ответит «да».

Завтра — подарок короля. Если, конечно, чернила позволят.

День 107. Подарок короля

Сегодня я сел за стол с твёрдым намерением, читатель. Я сказал себе: хватит. Сто семь дней — а точнее, всего пять, если считать только те, в которые я действительно писал, — я хожу вокруг этого подарка, как кот вокруг горячей миски. На второй день я написал: «Подарком оказалось… Оказалось…» — и чернила перестали писать. Тогда я посмеялся и отложил. А сегодня решил не откладывать. Сегодня, решил я, я выясню, в чём тут дело, даже если на это уйдёт вся новая свеча.

Свеча ушла вся. Но кое-что я всё же выяснил.

Начал я с самого простого. Я подумал: может быть, дело в чернилах? Чернила у меня, честно скажу, не лучшие. Брат-эконом выдаёт нам те, что сам варит из чернильных орешков и ржавых гвоздей, и они бывают то слишком жидкими, то слишком густыми, а иной раз в них попадается что-то, что я не решаюсь назвать. Поэтому я пошёл к брату Бобу и попросил у него его чернил — тех, которыми он когда-то переписал Житие святого Линогория без единой кляксы. Брат Боб хранит их в маленькой глиняной склянке с притёртой пробкой и никому не даёт. Мне дал. Сказал: «Только не пролей», — и посмотрел на меня поверх очков так, будто я уже пролил.

Я обмакнул перо и вывел, медленно, как в детстве учили:

«Подарком оказалось…». Написалось. Ровно, чисто, красиво даже, лучше, чем у меня обычно выходит. Я перевёл дух и повёл перо дальше, к следующему слову. И перо остановилось. Не сломалось, не зацепилось за бумагу, нет. Просто чернила кончились на кончике пера, как будто я его и не обмакивал. Я обмакнул снова. Поднёс к бумаге. Ничего. Перо скользит, а следа не оставляет. Как будто пишешь пальцем по воде.

Брат Боб, который всё это время стоял у меня за плечом, потому что боялся за свою склянку, сказал: «Перо плохое». Я взял другое перо. Потом третье. Потом взял у брата Боба его собственное, лебединое, которым он переписывает только праздничные службы. Ничего. Слово «оказалось» стоит, а после него — пустота.

Тогда я подумал: может быть, дело не в чернилах и не в перьях, а в бумаге? Взял другой лист. Потом кусок старого пергамента, который у нас идёт на заплатки к переплётам. Потом — признаюсь, мне за это стыдно — написал прямо на столе, углём. И уголь оставлял след на всём, на чём угодно: на «подарком», на «оказалось», на моём рукаве, на носу у брата Боба, когда я неловко повернулся. Но не там, где должно было стоять то самое слово.

Вот вам и всё моё ремесло, читатель. Столько лет я пишу и переписываю, а одно слово написать не могу.

И тут мне пришла в голову мысль, которая сначала показалась мне глупой, а потом — не очень. Я подумал: а что,

если я просто не знаю, что это был за подарок? Ведь я действительно не знаю. Я не помню этого из рассказа брата Боба, а брат Боб не помнит этого сам. Может быть, чернила не пишут потому, что им нечего писать? Как не пишет перо, когда рука не знает, куда его вести?

Чтобы проверить это, я решил написать что-нибудь наугад. Просто выдумать. Если дело в том, что я не знаю, — то выдумка должна написаться, ведь выдумку-то я знаю, я сам её выдумал. Я написал: «Подарком оказалось кольцо». И — написалось! Слово «кольцо» легло на бумагу, как миленькое, ни капли не сопротивляясь. Брат Боб даже присвистнул, хотя свистеть в келье у нас не принято. Я обрадовался, как ребёнок, и лёг спать с мыслью, что загадка разгадана: подарок — кольцо, и всё тут, и завтра можно будет писать дальше.

А утром слова «кольцо» на листе не было.

Не было, читатель. «Подарком оказалось» — стоит. Точка после него — стоит. А между ними — чистое место, будто его и не было. Я сначала подумал, что мне это снится, потом — что брат Боб пошутил и соскоблил слово ножом. Но бумага была гладкая, нетронутая, а брат Боб, когда я его спросил, так обиделся, что не разговаривал со мной до обеда. И я ему верю. Брат Боб может пошутить, но не так. Он слишком бережёт бумагу.

Тогда я написал снова: «Подарком оказалась шкатулка». К вечеру слово «шкатулка» стало бледнее. К ночи — ещё бледнее. А когда я проснулся, его опять не было. Я написал

«кинжал» — его не стало уже к обеду, видимо, потому что кинжал совсем уж нелепый подарок для младенца. Я написал «золото», «перстень», «грамота», «конь» (конь, кстати, продержался дольше всех, почти сутки, но потом пропал и он). И все они уходили. Одни быстрее, другие медленнее. Как будто бумага пробует каждое слово на вкус и выплёвывает те, что ей не по нраву.

Вы понимаете, что это значит? Это значит, что дело вовсе не в том, что я не знаю. Выдумку бумага принимает, но не держит. Значит, где-то есть правильное слово, и бумага ждёт именно его. А всё неправильное она возвращает мне, как отец настоятель возвращает переписчику лист с ошибкой: молча и без объяснений.

Признаюсь, тут мне стало не по себе. Я монах, читатель. Я привык к тому, что слово, раз написанное, остаётся навсегда, — на этом стоит всё наше ремесло, на этом стоят все грамоты о меже, все жития и все книги в нашей библиотеке. А тут слово уходит само. Это уже не ремесло, это… Я не знаю, что это. Свечник рассказывал, что инквизитора в Тойн вызывали из самой столицы, потому что дело тамошнее както касалось учения Церкви. Если до нашего отца настоятеля дойдёт, что у меня в келье слова сами исчезают с бумаги, то, боюсь, вызовут и к нам. Надеюсь только, что пришлют того, толстого, который жевал. С таким, мне кажется, можно договориться.

Брат Боб, когда помирился со мной после обеда, предло-

жил другой способ. Он сказал: «Не пиши, что это было. Пиши, каким оно было». Я спросил, как это. Он сказал, что, когда у него садится зрение и он не может разобрать слово в старой книге, он не гадает, что это за слово, а сначала считает, сколько в нём букв, где у него хвостики и где петли, и только потом, по хвостикам, догадывается. «Обойди его, — сказал он. — Как вокруг лужи».

Это был, наверное, самый дельный совет за всё время, что я пишу эту историю. И я стал обходить.

Я написал: «Подарок был небольшим». Слово осталось. Наутро оно стояло так же твёрдо, как и вечером. Я написал: «Его можно было держать в руке». Осталось и это. Я написал: «Он был тяжёлым» — и к вечеру слово «тяжёлым» побледнело, а к утру ушло, и рядом с ним, на том же месте, я написал «лёгким», и «лёгким» не ушло. Так, по одному слову, ночь за ночью — а я, признаться, растянул сегодняшний день на несколько дней, потому что иначе не получалось, и прошу за это прощения у тех, кто строго считает мои дни, — я собрал вот что.

Подарок был небольшим и лёгким. Его можно было держать в руке, даже в детской. Он не был сделан из золота (слово «золотой» ушло за одну ночь), но и простым он не был (слово «простой» ушло ещё быстрее). Он был старым — старше короля, который его отправил, и, может быть, старше самого королевства. Это слово, «старый», бумага приняла так охотно, что мне показалось, будто оно написалось тем-

нее остальных.

А потом я написал вот что: «Он знал дорогу». Сам не знаю, почему я это написал. Рука как-то сама повела. И это не ушло. Ни к вечеру, ни к утру, ни на третье утро. Стоит, и чернила в этих трёх словах даже чуть блестят, как свежие, хотя прочие давно высохли и потускнели.

Он знал дорогу. Что это значит — я не знаю. Вещь, которая знает дорогу. Вещь, которую король, получивший меч от кузнеца, отсылает новорождённому сыну, а может быть, и дочери, этого кузнеца в предгорную деревушку. Какой король станет отдавать младенцу вещь, которая старше его королевства? Либо очень щедрый, либо очень мудрый, либо такой, который хотел от этой вещи избавиться. Я написал все три слова — «щедрый», «мудрый», «избавиться». К утру ушли все три. Видимо, бумага не любит, когда я гадаю о чужих намерениях. Или же король был кем-то, для кого у меня пока нет слова.

Я спрашивал себя ещё вот о чём: что это за король? Наш ли это король, тот, что сидит теперь в Мерендоле? Свечник ничего не говорил о короле, но если в Тойн приезжали судья и инквизитор из столицы, значит, и король там есть, и кто-то же ему докладывает о мёртвых детях, которые встают. Но я решил, что, скорее всего, король Рико — другой. Короли меняются чаще, чем истории о них. А я до сих пор не знаю, когда жил Рико: в наше странное время или в какое-то другое, тоже по-своему странное. Каждое время, если подумать,

кажется странным тому, кто в нём живёт. Я написал на полях «король из Мерендоля» — к утру ушло. Значит, всё-таки не он. Или не тот. Или бумаге просто не нравится, когда я пишу на полях.

К концу этих нескольких ночей у меня на листе вышла странная картина. Сверху стоит: «Подарком оказалось», и после — пустое место, которое я больше не трогаю. А ниже, столбиком, стоят слова, которые остались: «небольшой», «лёгкий», «в руке», «старый», «не золотой», «не простой». И отдельно, чуть в стороне, — «он знал дорогу». Брат Боб посмотрел на этот лист и сказал, что он похож на загадку, которые загадывают детям зимой: маленький, лёгкий, старый, знает дорогу — что это? Я спросил, знает ли он ответ. Он сказал, что дети в его деревне всегда отвечали «дед». Мы посмеялись. А потом брат Боб перестал смеяться и сказал тихо: «А ведь ты, кажется, знаешь, как Рико попал в город».

Я сделал вид, что не понял. Но я понял. Потому что на второй день, когда я гадал, как Рико мог попасть в портовый город, если не на повозке и не в трюме корабля, я написал: «Смею предположить, что в появлении Рико Вальдеса в городе замешан магический артефакт». Я тогда и не думал о подарке. Тогда подарок был просто подарком, а артефакт — просто артефактом. Две разные вещи, о которых я написал в один и тот же день и на соседних страницах, даже не заметив, что они могут оказаться одной.

Но я не буду сегодня об этом. Это следующий камень, и

класть его надо отдельно, иначе стена получится кривой. Я только хочу сказать, что впервые за всю эту историю мне показалось, что не я её вспоминаю, а она вспоминает меня. Подсказывает. Принимает одни слова и отвергает другие. Как будто она уже где-то вся целиком написана, начисто, без клякс, как Житие у брата Боба, а я только обвожу её по готовым буквам и то и дело промахиваюсь.

Склянку брату Бобу я вернул. Не пролил ни капли. Он проверил её на свет, кивнул и спрятал в сундук. А когда я уже уходил, он вдруг сказал мне вслед, что у костра в ту ночь, кажется, говорил что-то про дорогу. Что-то вроде «и дорога сама легла ему под ноги». Но тут же добавил, что, может быть, это он сейчас придумал, потому что я ему всё утро про дорогу толкую. Я записал эти слова на поля. Они не ушли.

Завтра — как Рико попал в город.

День 161. Как Рико попала в город

Я написал «завтра», читатель. Я хорошо помню, что написал «завтра», потому что это слово у меня на листе стоит до сих пор, и бумага его, к моему стыду, не стёрла. Видимо, она считает, что я действительно собирался прийти назавтра. Я и собирался. А пришёл через пятьдесят четыре дня.

Я мог бы ничего не объяснять. Многие сочинители так и делают: был сто восьмой день, стал сто шестьдесят первый, и кому какое дело, что было в промежутке. Но я так не могу. Я

сам на сто четвёртый день извинялся перед вами за сто дней молчания, и если я теперь промолчу о пятидесяти четырёх, то выйдет, что я извиняюсь только за большие провинности, а за средние — нет. А это, как говорит отец настоятель, первый шаг к тому, чтобы не извиняться вовсе.

Поэтому я объяснюсь. У меня есть три причины. Две из них я заготовил заранее, пока шёл к столу, а третья — настоящая.

Первая причина — зима. Зима пришла к нам в тот самый день, когда я вернул брату Бобу его склянку. Сначала пошёл снег, потом ударил мороз, а потом в скриптории замёрзли чернила. Не мои, а все сразу, в каждой чернильнице, и брат-эконом сказал, что дров на то, чтобы топить скрипторий ради одного Рико Вальдеса, у монастыря нет. Мы перебрались писать в трапезную, к печке, но в трапезной всегда кто-нибудь ест, а писать о путешествиях, когда рядом едят кашу, совершенно невозможно: всё время кажется, что твой герой голоден. Это причина хорошая, честная, но, признаюсь, недостаточная. Брат Боб всю зиму переписывал у той же печки Псалтирь и ни на день не прервался.

Вторая причина — работа. Где-то в середине зимы к нам прискакал гонец от его преосвященства с толстым свёртком, а в свёртке было послание ко всем обителям епархии. И вы ни за что не догадаетесь, о чём оно было. О Тойне. О тех самых детях, о которых рассказывал свечник. Послание было составлено очень осторожно: в нём много раз повторялось,

что Церковь «рассматривает», «изучает» и «не спешит с суждением», и ни разу не было сказано слово «чудо», хотя чувствовалось, что пишущему очень хотелось его сказать. Каждой обители надлежало снять с него копию для своей библиотеки, а нашей обители — ещё и три копии для окрестных приходов. Угадайте, кому это поручили.

Пересказывать послание я не стану, во-первых, потому что не положено, а во-вторых, потому что оно очень длинное и скучное, хотя речь в нём идёт о самом удивительном, что случилось при моей жизни. Так умеют писать только при епископах. Но кое-что я оттуда вынес. Я узнал имена. Судью из столицы звали Тренн. Паладина — Лотар. Эльфийку — Аврелия. А инквизитора, того самого, толстого, который жевал, звали Менсфельд, и я, переписывая его имя в третий раз, поймал себя на том, что улыбаюсь, будто это мой старый знакомый. Ещё там было сказано, что дела, связанные с некой горной крепостью на севере, «переданы на рассмотрение королю». И больше ничего. Я, как вы понимаете, очень хотел бы знать больше. Но послание было не для меня, а для библиотеки, и библиотека, в отличие от меня, вопросов не задаёт.

Вот две мои причины. А теперь третья.

Я испугался, читатель.

После того, что было на сто седьмой день, — после того, как слова стали уходить с бумаги, а «он знал дорогу» осталось и блестело, — я несколько ночей не мог спать. Мне ка-

залось, что, если я сяду писать дальше, бумага начнёт стирать не только неправильные слова, но и меня самого. Что однажды утром я проснусь, а на моём месте будет пустое место, гладкое и нетронутое, как после слова «кольцо». Я понимаю, что это глупо. Но страх вообще редко бывает умным. Так что зима и послание пришлись мне, по правде говоря, очень кстати. Я за них спрятался. Как Рико, может быть, прятался у Тирсо.

А вернуло меня за стол вот что. Позавчера, разбирая полку в библиотеке, чтобы поставить туда копию послания, я уронил книгу. Старую, без заглавия, в кожаном переплёте, потёртом так, что не разобрать, был ли он когда-то красным или коричневым. Брат Ансельм говорит, что её оставил в уплату за ночлег какой-то странствующий маг, ещё при прежнем настоятеле, и что с тех пор её никто не открывал, потому что маги пишут так, что не поймёшь, где у них молитва, а где рецепт похлёбки. Книга упала и раскрылась. И на раскрытой странице стояло одно слово, выведенное крупно, на поле, красными чернилами: «руна».

Я не знаю, совпадение это или нет. Я перестал понимать, где в этой истории совпадения. Но я пришёл в келью, достал свой лист со столбиком слов — «небольшой», «лёгкий», «старый», «знал дорогу» — и в то пустое место, после «Подарком оказалось», которое я поклялся больше не трогать, вписал: «руна».

И она осталась.

Она осталась вечером, и ночью, и утром. Я вставал трижды за ночь, чтобы посмотреть, и трижды она стояла на месте. А утром брат Боб, взглянув на лист, сказал: «Ну наконец-то», — так спокойно, будто всё это время знал и просто ждал, пока я сам догадаюсь. Я спросил, знал ли он. Он ответил, что нет. Но что слово «руна» ему нравится больше, чем «кольцо».

Итак, подарком короля была руна. Не просто руна, разумеется, а такая, что знает дорогу. Я весь вчерашний день просидел над книгой странствующего мага и, хотя понял в ней едва ли десятую часть, всё-таки кое-что разобрал. Записываю здесь так, как понял, а не так, как там сказано, — во-первых, потому что сказано там очень путано, а во-вторых, потому что я не маг и не хочу, чтобы меня потом упрекали, будто я выдаю себя за знатока.

Есть руны, которые переносят. Не того, кто их начертал, а того, кто держит их в руке. В руках опытного мага такая руна открывает перед его мысленным взором нечто вроде карты: он видит все места, какие только есть на свете, или, по крайней мере, все, какие он способен вообразить, и выбирает, куда ему нужно. Хочешь — в столицу, хочешь — на край земли, хочешь — в соседнюю комнату (хотя, как замечает автор книги, переноситься в соседнюю комнату — пустая трата руны и признак дурного воспитания). Так ходят великие маги, и потому их так трудно поймать.

Но если такая руна попадёт в руки неопытного или вовсе

не мага — тут-то и начинается самое любопытное. Карты он не увидит. Выбирать ему не из чего. И руна сама решает, куда его перенести, а решает она — вот что поразило меня больше всего — по настроению. Не по тому, куда человек хочет попасть, а по тому, что у него на душе в этот миг. В книге так и написано, только длиннее и с какими-то значками на полях, которые я не берусь толковать.

Я долго думал над этим. Что значит — по настроению? Если человеку тоскливо, куда его унесёт? В дождь? На кладбище? Или, наоборот, туда, где весело, чтобы тоска прошла? А если человек зол — его выбросит посреди поля, где можно кричать, не боясь, что услышат? Брат Боб предположил, что, если бы руна попала к брату-эконому, его, в каком бы он ни был настроении, всегда переносило бы в кладовую. Я сказал, что это неправда. Брат Боб сказал, что ему лучше знать, он с братом-экономом прожил двадцать лет. Мы не стали спорить. Кто знает, может, у брата-эконома и правда только одно настроение.

А теперь — Рико. Вот как, мне кажется, это было, и бумага, пока я это пишу, ничего не стирает, так что я осмелюсь утверждать.

Руна с самого начала была у Рико. Король прислал её младенцу, и, может быть, ни родители, ни сам король не понимали толком, что это такое. Отец-кузнец, наверное, повесил её над колыбелью как оберег, мать хранила в шкатулке, а потом, когда Рико подросла, отдала ей — как вещь, которая

и так принадлежит ей с рождения. Деревенский мудрец, тот самый, что заметил, будто ребёнка коснулись высшие силы, — может быть, он один и догадывался. Но он, видимо, промолчал. Мудрецы вообще умеют промолчать в нужную минуту, это, пожалуй, главное их отличие от монахов.

Рико не была магом. Это я знаю наверняка: если бы она была магом, история была бы совсем другой, и мы бы её не рассказывали у костра, а читали в книгах вроде той, что упала с полки. Её дар — оборотничество — это другое. Это не выучено, а дано. И потому, когда руна сработала в её руках, перед ней не открылось никакой карты. Её просто взяло и перенесло.

Теперь вспомните третий день. «Рико проходила по маршруту из точки А в точку Б». Проходила — пешком, я сам так решил. Шла от хижины Тирсо в Голрик. И «на пути своём случайно забрела в поселение гоблинов». Я всё время спотыкался об это «случайно забрела». Ведь гоблины, как мне кажется, не живут у больших дорог, а дорога в Голрик, раз уж это известный город, наверняка большая. Как можно случайно забрести туда, где тебя никто не ждёт и куда никто не ходит?

А вот как. Она шла, и на душе у неё было что-то такое — может быть, страх, может быть, тоска по Тирсо, которого она оставляла, а может, то и другое вместе, — и руна в её кармане, или на шее, или в кулаке, это уже неважно, вдруг откликнулась. Рико моргнула — и вместо дороги вокруг был

чужой лес, а в лесу — чужие маленькие дома. Ей казалось, наверное, что она просто сбилась с пути. Люди ведь всегда так думают, когда с ними случается необъяснимое: что они сами в чём-то ошиблись.

И точно так же, я теперь уверен, она попала и в Голрик. Не по дороге, не через ворота, мимо стражников, которые спросили бы, кто она такая и откуда идёт. А просто оказалась на рыночной площади. Посреди толпы, среди воришек и тех, кто покупает фрукты и рабов. Оказалась — и пошла через площадь, как будто так и надо. А что ещё делать человеку, который вдруг очутился среди тысячи чужих людей, кроме как идти, делая вид, что знаешь куда?

И вот тут, читатель, я наконец понял свою самую первую строчку. Самую первую, с первого дня: «"В странное время живём", — так подумалось одному путнику, пересекающему городскую площадь». Путник, пересекающий площадь, — это Рико, которую только что выбросило на эту площадь неведомо откуда. Конечно, она так подумала! Утром — хижина Тирсо, днём — гоблины, а к вечеру — шумный портовый город у моря, в котором она никогда не была. Как тут не подумать о странном времени? Я на её месте подумал бы что-нибудь куда менее благочестивое.

Я потом ещё долго сидел и думал, отчего руна перенесла её именно в Голрик. Какое настроение должно быть у человека, чтобы его вынесло на рыночную площадь, в самую гущу толпы? И мне пришло в голову вот что. Может быть, Ри-

ко в тот миг хотелось затеряться. Не спрятаться, как у Тирсо, где её никто не видит, а затеряться — там, где её видят все, но никто не замечает. Это ведь разные вещи. В пустом месте ты один, а в толпе ты никто. И для человека, который может быть кем угодно, — или вернее сказать, который не уверен, кто он, — толпа, может быть, самое спокойное место на свете.

Но это уже из другого камня. Почему Рико ушла от Тирсо, что было у гоблинов и что значит быть кем угодно — об этом в следующие дни.

А дни, обещаю, будут. Снег уже осел, чернила в скриптории оттаяли, а брат-эконом, узнав, что я опять пишу, выдал мне целых две свечи. Сказал, что лучше уж я буду писать про Рико, чем ходить по монастырю с таким лицом, какое у меня было всю зиму. Я не знал, что у меня было какое-то лицо. Видимо, было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.